

МАРИЯ ГЛАМАЗДА



CYGNUS
CORPORATION

КОНТРОЛЬ.
ВЛИЯНИЕ.
ПОДЧИНЕНИЕ.



ПЕРЕСПИ

СОМНОЙ

18+

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ ТРИЛЛЕР

18+

Мария Гламазда
Переспи со мной

«Автор»

2019

Гламазда М.

Переспи со мной / М. Гламазда — «Автор», 2019

Название книги интригует. Но если вы ожидаете прочесть любовный роман – смело закрывайте. Потому что это – закрученный триллер, без крови и убийств, но с неожиданным концом. В юном возрасте главная героиня, Мегги, подвергается жестокому насилию. После случившегося у нее открывается уникальный и странный дар. Повзрослев, Мегги живет изгоем и старается избегать общения с другими людьми. Но жизнь подкидывает ей новые испытания, в которых главной героине предстоит сделать непростой выбор. Девушка столкнется с коварным, жестоким замыслом влиятельных людей и захочет им помешать. Помочь в спасении мира может только ее странная способность, однако героине еще нужно научиться ей пользоваться. Мегги решается на рискованный проект, но, как известно: хочешь рассмешить судьбу — расскажи ей о своих планах...

© Гламазда М., 2019

© Автор, 2019

Содержание

Глава	5
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Переспи со мной

Глава

Ночь как вуаль. Скрывающая, затуманивающая, приглушающая все краски. Все ощущения. Всю боль. Ночь таит, смазывает грязь, смягчает мерзость. Обычно самые грязные преступления совершаются ночью, правда же? Как будто бы преступление, совершенное ночью, не такое уж и страшное, не такое жестокое и мерзкое...

Окутанный дымкой, в низине холмистой местности, маленький городок Кортер ничем не отличался от сотен других таких же маленьких городков. Казалось, что холмы, располагающиеся по краям низины, защищают этот городок от всего плохого. Тихий, мирный, где каждый знает друг друга в лицо, где по утрам все мило здороваются друг с другом, а ругаться и конфликтовать как-то неловко. Но порой зло приходит не извне, зло уже здесь, рядом. Совсем рядом, как тень, ступает за тобой по следу, и тем сильнее и больше от этого зла, когда ты совсем не ожидаешь его.

В лодочном сарае, сбитом из досок, на берегу озера, где располагался детский лагерь, зло творило свое преступление. Торжествовало, рушило жизнь, топтало судьбу маленького человека.

Туман спустился на озеро и покрывал его толстым молочным покрывалом. Почти полная луна стояла высоко, освещая холодным голубо-серым светом макушки высоких елей вокруг озера. В ее свете лохмотья тумана играли над озером. Покосившийся лодочный сарай служил не только хранилищем для лодок. Здесь была и мастерская для ребят из лагеря, и место, где хранили всякий ненужный хлам. От сарая к берегу тянулся уложенный досками пирс. Он спускался к воде и нависал над неподвижной гладью. Здесь можно было посидеть с удочкой, а можно было просто помечтать, всматриваясь в идеальную гладь черного озера, например.

– Нет, пожалуйста, не-е-е-ет! Мне больно! – раздирающий от ужаса голос девочки, казалось, подпитывал Зло. – Хватит, прошу вас, хватит!

Но ответа не было, зло лишь шумно дышало перегаром, совершая насилие над одиннадцатилетней школьницей Мегги, жизнь которой в этот момент из прекрасного беззаботного детства превратилась в вечный кошмар и боль, которую ничем уже не поправить.

Она была единственным, любимым ребенком у своих родителей, появившись в их жизни гораздо позднее, чем в среднестатистической семье. Мегги росла в любви, милым цветочком, которого обожали соседи, не испытывала страха перед людьми и никак не ожидала такого от уважаемого человека, директора школы, в которой училась Мегги.

Каждое лето по окончании учебного года школьники отправлялись на две недели в лагерь у озера. Это было замечательное время, когда родители могли привести в порядок разум и свои дома после долгих месяцев учебы детей, немного развлекаться и выдохнуть.

Мегги появилась у своих родителей в тот момент, когда они уже смирились с бездетной жизнью. Маме Мегги было чуть за 40, и известие о когда-то долгожданной беременности было для нее как информация о том, что инопланетяне существуют, они уже здесь, приехали к ней домой с подарками.

Конечно, родители вложили в Мегги столько любви и заботы, сколько вообще можно вообразить. Мегги росла спокойной, уверенной девочкой, увлеченной математикой и астрономией. Бывало, они лежали с отцом на лужайке возле дома и смотрели на звездное небо, искали и угадывали созвездия. А еще они любили играть в истории про жителей далеких планет. Выбирали какую-нибудь звезду и воображали, что за существа живут на этой планете, как они выглядят, чем занимаются, как общаются. Какие там растут растения и растут ли вообще.

– Папа, а ты веришь в переселение душ? – спросила однажды Мегги, когда они воображали розовых инопланетян с далекой мерцающей звезды.

– Ну-у-у, я точно знаю, что в каждом из нас есть душа и что мы появляемся на этот Свет не просто так, у всех своя миссия, и знаешь, откуда я это знаю? Из-за тебя! Мне неизвестно, какая у тебя миссия, но ты уж точно сделала нас с мамой самыми счастливыми родителями в мире, – папа поцеловал Мегги в макушку и крепко обнял, ведь папины сильные руки могут защитить ото всех бед.

Сквозь пелену слез Мегги увидела торчащее из ящика с инструментами шило. Собрав все силы, маленькая хрупкая девочка сделала рывок к ящику и схватила шило. Еще мгновение – и Мегги воткнула его в ногу обидчика. Туша отпрянула в недоумении. Мегги развернулась и с непонятно откуда взявшейся силой и злостью стала вколачивать шило в грудь директора. Удар, еще, еще... Директор качался, хрипел и, казалось, вообще не понимал, что происходит. С диким криком, совершив последний удар, Мегги выронила шило и с мгновение с ужасом смотрела на мужчину. Опомнившись, Мегги выбежала из лодочного сарая и побежала к лесу. Она бежала, не чувствуя ничего, ни веток, хлеставших ее по лицу, обдирающих худые ножки, ни камней под ступнями...

* * *

С того злосчастливого дня жизнь в маленьком Кортере изменилась. Не было никаких других тем для обсуждения, кроме этой жуткой истории. Журналисты, приехавшие для съемки сюжета, сделали происшествие в маленьком городке известным на всю страну.

В ходе расследования несколько подростков признались, что мистер Роуби, директор школы, склонял их к сексуальному контакту и в обмен закрывал глаза на проступки и конфликты с учителями. Общество требовало самосуда над директором школы, который впал в состояние комы после серьезной кровопотери. Палату преступника пришлось охранять полиции из другого штата. Около дома Мегги также постоянно дежурил офицер, потому что снующие журналисты в погоне за резонансным сюжетом не гнушались ничем. Едва завидев родителей девочки, возвращающихся домой, они неслись к ним с камерами, выкрикивая на ходу вопросы, чем повергали бедных и без того находящихся в трансе людей в шок.

Мегги, которая и до случившегося была не сильно разговорчива, вообще ушла в себя и отказывалась от любого общения и еды.

На все вопросы полицейских она отвечала коротко и сухо. Каждый день к ней приходил психолог, но Мегги не особо хотелось с ней общаться.

– Как ты?

Психологом была милая женщина лет пятидесяти, с кротким и мягким голосом. Она искренне переживала за девочку, жизнь которой была сломлена и уже никогда не будет прежней.

В ответ Мегги заплакала. Она поджала колени и обняла за них себя, пытаясь спрятаться в кокон.

– Милая, поделись со мной. Тебе станет легче, поверь мне.

Мегги стиснула зубы. В ее маленькой головушке одиннадцатилетнего ребенка было столько обиды и... жажды мести. В памяти вновь разворачивались события той ночи. Резко и глубоко вздохнув, Мегги вдруг почувствовала себя опять на том столе, как будто все вернулось, но она ничего не может с этим сделать, не может открыть глаза, очнуться, опомниться от этого, не может пошевелиться, не может позвать на помощь.

В мгновение ее ослепила яркая вспышка. Мегги раскрыла глаза и неожиданно осознала, что видит происходящее глазами директора, мистера Роуби. Как это возможно? Он тяжело

пыхтит, голова кружится от чрезмерного алкоголя, вокруг все плывет, и он практически не слышит криков девочки.

– А-а-а-а! – Мегги очнулась и с шумным вдохом открыла глаза. «Что это было?! Черт возьми, что это было?!».

– Милая, на, попей воды, давай подышим, вдох... выдох... – психолог стояла, наклонившись над Мегги и с беспокойством вглядываясь в ее личико.

– Анна, а где сейчас мистер Роуби?

– Дорогая, он в больнице. Он в коме... Зачем тебе это?

– Я думала, что... что он умер? Говорили, я слышала, по телевизору, что большая кровопотеря, и он уже не сможет...

– Нет, и слава Богу! Суд должен судить его по всей строгости закона, суд справедливо решит его судьбу, малышка.

Мегги кинула злой взгляд на психолога. Чувство досады разлилось горячим глотком по груди Мегги. Суд решит. До этого момента маленькая девочка понятия не имела, что такое жажда мести, но вот сейчас... Сейчас она отчетливо воображала себе, как убивает обидчика сотни раз. Разными способами. Возвращалась еще и еще раз в тот момент, проигрывала ситуации, когда она не позволит себя обидеть. Суд решит... суд не вернет ничего в ее жизни! Ничего, ничего не могло утешить боль маленького человека.

– Анна, я не хочу говорить, можно я побуду одна? – Мегги опять спрятала голову в колени, крепко сжала себя за них и больше не произнесла ни слова.

– Конечно, милая, конечно. Я пойду. Увидимся завтра. Помни, дорогая, что самое главное – не разжигать в себе зло к обидчику.

Мегги ничего не ответила. Она даже не могла подобрать слов, чтобы объяснить, что с ней происходит. Дети не анализируют, не раскладывают по полочкам, не ищут причинно-следственных связей. Дети доверяют, искренне верят взрослым, ведь природа распорядилась так: пока ты ребенок, тебя оберегает взрослый. Когда взрослый рядом – ты в безопасности. Что происходит в тот момент, когда взрослый подрывает эту природную уверенность? Это как свалить карту нижнего ряда в карточном домике. Основа рушится, а за ней и все остальное...

Родители Мегги, держась за руки, сидели в гостиной. Психолог, которая, к слову, никогда в жизни не работала с детьми-жертвами насилия, присела на диван и кротким голосом стала тихо разговаривать с ними.

– Знаете, это очень глубокая травма. Она получена в тяжелом возрасте и нужно понимать, что невозможно от этого избавиться навсегда. Девочке придется очень долгое время быть на терапии с психологами. Боюсь, ей даже придется полностью поменять социум и всю свою жизнь... да? Понимаете меня?

Вспухшее лицо мамы Мегги опять затряслось от подходящих слез. Боль матери за боль своего ребенка – самая сильная. Боль, смешанная с горькой обидой за то, что она не защитила, не уберегла.

Как это происходит? Вот ты рождаешь маленькую крошку, бережешь ее и делаешь все возможное для ее безопасности – ловишь, когда она падает при первых шагах, с меткостью жонглера отметаешь летящие в нее предметы, на расстоянии чувствуешь, что кроха заболела – просто сердце мамы знает все. И вот она уже не маленькая крошка на руках, а вполне себе повзрослевший ребенок, который обижается, если ты провожаешь ее в школу – она же уже такая взрослая, какие проводы! И ты соглашаешься, потому что понимаешь, насколько важно поддержать своего ребенка. «Конечно, милая, ты такая взрослая, иди одна, будь осторожна». А сама едешь за школьным автобусом, стараясь, чтобы тебя было не видно, выходишь и из-за угла украдкой смотришь, дошла ли твоя такая взрослая и самостоятельная крошка. Делаешь все и отпускаешь, с щемящей болью отпускаешь, но знаешь, что так надо. Что она должна познать свои грабли и учиться принимать решения в этом мире. Но такое! Такое не предполагает никто.

Никто не предупредит, никто не скажет... Конечно, мама Мегги винила себя. Как она могла отпустить свою крошечку, как она могла спокойно находиться дома, когда такое зло убивало нормальную жизнь твоей дочери. Твоей единственной, твоей плоти, твоей крови.

Мама Мегги была религиозной, и религия наказывала ей не ожесточаться и не копить злость и ненависть по отношению к обидчику своей дочери. И именно так она пыталась вести себя перед людьми. Но каждый раз, готовя что-то на кухне, когда она брала в руки нож – она боролась с невероятным желанием оказаться рядом с обидчиком своей маленькой Мегги.

Психолог молча встала и пошла к выходу.

– До завтра... – Анна тоже была матерью и понимала, что сейчас никакие ее слова не утешат родителей и не умалят всю боль ситуации.

* * *

Случай, произошедший в детском лагере Кортера, взбудоражил общественность. Скрыть такую мерзость не получилось, нашлось несколько общественных активистов, которые вынесли тему произошедшего за пределы города.

Телевидение сняло сюжет, который показали на новостном канале. Что ж, это стало действительно переломным событием в небольшом городке. Родители бунтовали, власти пытались не дать разгореться скандалу, который обязательно привел бы к отставке правящего мэра.

А пока в город съезжались разные журналисты, мистер Роуби, потерявший много крови, но оставшийся жить, лежал в состоянии комы в местном госпитале. Палату насильника охранял целый наряд полиции, ибо даже медперсонал был не прочь хотя бы плюнуть ему в лицо.

Надо сказать, что для отъявленного мерзавца палата у него была шикарна. Новейший аппарат искусственного дыхания поддерживал жизнь в теле говнюка, погубившего нормальную жизнь некоторых детей города. Выделенная реанимационная медсестра испытывала смешанные чувства, когда подходила к подопечному. Лицо добродушного стареющего мужчины ничем не выражало совершенных им преступлений. Она подолгу смотрела на него и не могла вообразить, как можно стать такой сволочью, и как им, родителям, защитить своих детей. Она воспитывала четырехлетнего сына, и мысль о том, что такие свихнувшиеся маньяки есть в каждой школе, преследовала ее каждый день. Она бы с удовольствием приостановила подачу кислорода и даже представляла себе, с каким чувством удовлетворения от свершившейся мести она выключает аппарат. Но Долли, медсестра, была таковой, что никогда бы не смогла намеренно причинить вред кому-то. Будучи очень религиозным человеком, как и все жители Кортера, каждый раз, уходя из палаты, она проговаривала тихо своему пациенту: «Ох, и гореть тебе, в аду, не перегореть!».

* * *

Мегги была одержима. Всю неделю она не выходила из своей комнаты. Посещения психолога ограничивались разговорами с родителями, потому что Мегги ни в какую не соглашалась разговаривать с Анной. Внутри была такая жуткая пустота, обида и боль, с которыми она и не могла справиться сама, и не могла никому рассказать.

После «видения» при последнем разговоре с Анной Мегги не давала покоя мысль, что она была как бы в теле обидчика, осознавала его ощущения.

Что это? Как? Это действительно было так или... я же четко, четко все видела не своими, а его глазами...

Мегги ходила по комнате, сжимая мягкого мишку. Маленькое сердечко разрывалось от злобы, а в голове кружилась мысль: еще раз попасть в его тело. Сейчас. Что он сейчас чув-

ствует? Ему больно? Так же, как и ей? Ей хотелось получить подтверждение его страданиям. Мегги сильно зажмурировала глаза, шипела: «Ну давай же!», но ничего не происходило.

Взрослые... Да, взрослые находятся во власти разума, но не дети. Дети еще не теряют связи со своим волшебным Я, они так искренне хотят, так искренне просят и так искренне умеют желать. Обессиленная, Мегги уселась на подоконник. Она взглянула на небо. «Ты слышишь меня? Помоги мне, прошу...». Слезы покатались из глаз девочки, и, открыв вновь глаза, она мысленно собрала всю силу своего желания и отправила «туда». Куда, она не знала, но верила, что «там» ее слышат. Так она задремала...

* * *

– Сегодня к вечеру пульс сбивался несколько раз. Может эта свол... простите, может *он*приходит в себя? – реанимационная медсестра отчитывалась дежурному врачу.

– Долли, я в соседнем отделении, зови сразу, если что. Самодеятельности не нужно, договорились? Какие-то изменения – просто срочно вызываешь меня.

– Конечно, конечно... Какая уж тут самодеятельность!

Долли закрыла дверь в палату мистера Роуби. По пути к своему посту Долли съежилась – с одной стороны, ей хотелось, чтобы Роуби пришел в себя и ответил за свои преступления, но от мысли, что «это зло» будет находиться рядом с ней, в преддверии выходных, когда персонала практически не будет, ей становилось страшно. На всякий случай Долли положила себе на пост скальпель, как будто ожидала нападения. Это было смешно – что может сделать только что вышедший из комы престарелый человек? Медсестра накинула на плечи теплый плед. Ее напарница была на больничном, и Долли пришлось дежурить больше двух суток подряд, что сказывалось на ее самочувствии. Усталость накатывала так, что Долли могла заснуть в секунду. Поначалу она отчаянно боролась со сном, но чары Морфея все равно взяли вверх, и она заснула глубоким сном.

Яркая вспышка озарила сознание Мегги во сне, она, как хлопок, мини-взрыв, заставила вмиг очнуться. Мегги вздрогнула и открыла глаза.

Все было как в тумане. Странный медикаментозный запах зацепил ноздри. Вокруг, как в пелене, все было белым. Веки были тяжелые, такие тяжелые, что Мегги стоило немалых усилий, чтобы приоткрыть их хоть на немного.

Пип... пип... пип... Мегги перевела взгляд налево и увидела странную штуку, мерцающую и издающую монотонные звуки. Дыхание было тяжелым, шумным и давалось с усилием. Мегги перевела взгляд по трубкам, идущим от аппарата. Одна из них шла к лицу. Еще одна трубка вела к руке. Сделав глубокий вдох, Мегги потянулась правой рукой к лицу и, нащупав маску, сняла ее. Все, теперь дышать стало легче.

«Как же все кружится. Что это? Больница? Как я здесь оказалась? Где мама?». Несмело Мегги поднялась с кровати. «Боже, как кружится голова!». Она чуть не упала, делая первые шаги. Тело как будто весило целую тонну, все вокруг плыло. Какие-то фиолетовые пятна перед глазами рисовали неясные фигуры. Шаркая, маленькими шажочками, она направилась к двери. «Стоп! Что это?». Мегги вдруг остановилась, мельком увидев через открытую дверь зеркало, висевшее в санузле. Сделав шаг назад, Мегги повернулась и посмотрела в зеркало. Зеркало, в котором отражалась вовсе не Мегги, а мистер Роуби! Не было ни удивления, ни шока. Она просто смотрела, медленно моргая, на старика. Он смотрел. Смотрел на себя в зеркало...

* * *

Долли вдруг вздрогнула и проснулась от своей дремоты. «Боже, датчик в палате Роуби мигает!». Немного помешкав, она схватила скальпель и побежала в реанимационную палату.

– А-а-а! – распахнув дверь, Долли замерла в дверном проеме с застывшим в глазах ужасом и криком.

Картина, открывшаяся Долли, была достойна фильма ужасов. Изрядно исхудавшая туша мистера Роуби, багрово-синюшного цвета, с обвисшей складками кожей, висела в открытом оконном проеме на фоне темно-синего неба, слегка покачиваясь. Большая свободная операционная сорочка развивалась на ветру, оголяя отвратительное тело мертвеца. Пояс, на котором был повешен Роуби, был привязан одним концом к креплению трубы над окном. Когда труп, покачиваясь, поворачивался к Долли лицом, она вскрикивала еще громче и прикусывала кулак сильнее и сильнее. Фиолетовое полное лицо с вывалившимся языком, испачканная испражнениями развивающаяся сорочка... Долли почувствовала нестерпимый рвотный позыв.

Еле выйдя из туалета, крадучись по стенке, шаг за шагом, Долли дошла до двери, за которой сидели полицейские. Они также дремали на стульях, не подозревая о случившемся.

– Ребята... ребята... – голос Долли был настолько сдавленным, что никто не мог ее услышать. Тогда она начала теревить одного из них.

Открыв глаза, полицейский уставился на Долли: «В чем дело?». Но она не смогла ответить, ком в горле не давал произнести ни слова. Сползая по стене, Долли разрыдалась.

* * *

Ничто не успокаивает так, как шум океана. Ничто не очищает сознание так, как шум океана. Ничто не заберет твои мысли так, как это может сделать океан. Он, как большая заботливая Вселенная, возьмет тебя на ручки и окутает своей огромной, ни с чем не сравнимой любовью. И вот ты уже просто маленькая девочка в надежных сильных руках, способных уберечь тебя от зла всего мира, доверяешь ему все свои мысли, все горести, все страхи. Ему можно рассказать все, ему можно доверить свою боль и свои самые страшные скелеты в шкафу. Он никогда, никогда не предаст, никогда не разболтает их, как человек, никогда не усомнится в тебе. Ничто не может сравниться с океаном.

Чеканя ровный быстрый шаг, Мегги бежала по дорожке вдоль океана.

Часы показывали идеальный пульс для кардиотренировки и пять километров пройденной дистанции. Вдох, выдох. Вдох, выдох. Вдох, выдох, вдох... Шумно вздохнув, Мегги взглянула на часы.

Каждую субботу она здесь. Бежит по одному и тому же маршруту. В повзрослевшей девушке уже и не узнать ту маленькую испуганную девочку из Кортера. Светлые волнистые пышные волосы чуть ниже плеч, грустные большие серые глаза, фарфоровое бледное лицо, спортивное мальчишье телосложение и потерянный, замкнутый вид – такая теперь Мегги. Из постоянного общения – только собственное сознание. Оно не утихает. Ни на минуту. Нет никого в ее жизни рядом, она не завела даже кота или собаку. Маленькая раненая девочка, в один миг тогда ставшая взрослой, озлобленной и никому не доверяющей, бежит одна в своем одиноком мире, разговаривая сама с собой. Один и тот же маршрут – до пирса напротив клинической городской больницы и обратно.

Вот и пирс. Мегги замедлила шаг. У нее всегда здесь остановка. Постоять и посмотреть с пирса на океан, замереть и побыть в вакууме. Взглянув на часы, Мегги направилась к краю пирса. Это особенное, знаковое место для нее. Всегда голодные огромные чайки подлетают с криками, в надежде ухватить что-то вкусное. У нее в кармане неизменно есть для них вкусные крошки. Чайки, завидя желанное лакомство, налетают на Мегги, чуть не сбивая с ног. Вот и теперь она рассмеялась и вытянула ладонь с крошками. Мегги глубоко вдохнула. Обоняние уловило знакомый запах сигаретного дыма. Она вдохнула еще глубже. «Все, пора домой...».

Пройдя мимо курящего молодого человека, Мегги ускорила шаг и включила в наушниках музыку. Исподволь взглянув на него, она улыбнулась и мысленно пожелала ему доброго утра. «Когда же я смогу это сказать вслух?!».

* * *

Мегги не опаздывает на работу. Никогда. Рабочий день начинается в 9 утра, но в 8 она уже на месте. В это время еще никого нет и не нужно здороваться с кучей людей по пути к своему месту.

– Доброе утро! Вам как обычно?

– Да, спасибо, – Мегги улыбнулась бариста из кофейного киоска около входа в огромное стеклянное здание.

Она почти всегда выглядела одинаково: кожаные узкие брюки, черный безразмерный свитер грубой вязки. В руках черный (ну надо же!) мотоциклетный шлем. Дзынь!

Зеркальный лифт распахнул свои двери.

«Как чудесно быть в этом лифте одной», – Мегги улыбнулась своим мыслям.

Шумно плюхнувшись в свое кресло и закинув ноги на стол, с удовольствием сделала большой глоток кофе. Да-а-а, как же круто, что в прошлом году ей разрешили принести на работу свое кресло. Теперь ничем не примечательное место Мегги можно было найти по огромному крутящемуся кожаному креслу, которое еще больше, казалось, закрывало ее от внешнего мира.

– Приступим, – сказала Мегги, включая моноблок и вставляя наушники. В таком состоянии, если никто не отвлекал ее, она просиживала до самого обеда без отрыва...

– Мегги! – перед ней стоял ее прямой начальник, Стив, малец такой же немного «не в себе», но достаточно социальный, чтобы быть проводником между тщеславным начальством и всегда «не от мира сего» подчиненными – разработчиками и программистами. – Что с проверкой алгоритма? Надо срочно завершать, дедлайн горит!

– Стив, я стараюсь. Твой хренов любимчик сделал много ошибок, мне приходится много переделывать, понимаешь?!

– Мегги, – Стив наклонился, – я знаю! И именно поэтому на этом месте сидишь ты! Работай ночью, работай в выходные, работай хоть без сна вообще, но сдай алгоритм в срок!

Мегги прицельно бросила гневный взгляд на Стива.

– Что, «навставляли» по полной наверху? – губы девушки дрогнули в насмешливой улыбке.

– Да, – Стив тоже смягчился. – Задница горит, и я жажду мести, поняла?

– Поняла, поняла, уложимся, не дрейфь.

– Через полчаса Форстен собирает весь офис в конференц-зале.

– Черт! А можно не ходить? Ну правда, Стив, зачем мне эта полуторачасовая болтовня! Тем более сроки...

– Знаю, сам бы не пошел, но надо. Сядешь рядом со мной, чтобы я точно знал, что пришла, – Стив в знак окончания разговора хлопнул ладонью по столу и направился в свой аквариум-офис.

На совещание Мегги прихватила ноутбук. Если сесть подальше, то никто тебя не заметит и можно продолжать работать. Мегги махнула Стиву рукой, показав на свой ноутбук, как на причину того, что сидеть она будет не с ним, а в самом последнем ряду, и принялась опять за работу, воткнув в одно ухо наушник.

Генеральный директор компании, в которой работала Мегги, Майкл Форстен, высокий брюнет в идеальном костюме стоимостью больше, чем вместе взятые остальные костюмы в

этом здании, рассказывал о прекрасных итогах года компании и о важности разрабатываемого проекта.

– Я еще раз повторюсь о важности каждого из вас! Быть в процессе здесь и сейчас, максимально сосредоточенными и внимательными! У нас нет времени на ошибки, работа каждого – под моим личным вниманием.

Последние слова прозвучали прямо над Мегги и, оторвав взгляд от ноутбука, она встретила глазами с мистером Форстеном. Взгляд директора буквально сверлил девушку. Смутившись, она не знала, что делать – оправдываться и говорить, что она как раз работает над этим проектом, было глупо. На энергетическом уровне Мегги чувствовала стрелы гнева, которые кидает в нее Стив. Не найдя ничего лучше, Мегги просто улыбнулась и проговорила только губами: «Простите, сэр», – медленно закрыв ноутбук.

Ожидая в ответ, как минимум, свирепый взгляд карателя, она весьма удивилась, когда мистер Форстен смягчился во взгляде и его губы подернула чуть заметная улыбка.

Задержав взгляд на Мегги пару секунд, Форстен развернулся и пошел обратно.

– До Рождественской вечеринки доработают только те, кто не нарушит дедлайны. И да, они стали еще короче. Давайте поднажмем, ребята, хочу с каждым из вас чокнуться бокалом! – Форстен зловеще улыбнулся, оголив ровные сверкающие идеальные зубы, и казалось, что все присутствующие съжились от этой улыбки.

* * *

За окном лил дождь. Мегги любила дожди. Ей казалось, что дождь приглушает всю эту возню вокруг нее, закрывает ее от мира людей и она, наконец, остается сама с собой. Надо сказать, что она была редкой одиночкой. Человек, у которого не было друзей, лишь люди, с которыми она более-менее общалась. Вернее сказать, была в основном хорошим слушателем. За 3 года работы в компании только с двумя людьми из всего коллектива Мегги общалась более тесно, чем «здравствуйте – до свидания». Рейчел, старше Мегги на 5 лет, успела счастливо выйти замуж, родить двух детей и совершенно несчастно развестись. Почему они с Мегги сошлись, было непонятно. Рейчел очень трепетно относилась к Мегги, считая ее своей в каком-то роде подопечной и даже несколько раз пытаясь безуспешно найти ей пару.

Вторым был, как ни странно, Стив, прямой начальник Мегги. Когда она пришла в компанию, Стив работал старшим программистом и стал ее наставником. Стив был особенным малым – с одной стороны, талантливый программист, «не от мира сего», как и многие из них, но при этом обладал дипломатичностью и в нужной ситуации был незаменимым связующим звеном между руководством и чудиками-программистами. Поэтому, собственно, он и стал начальником отдела разработок.

С Мегги он общался, как будто с парнем, но без мата и шуточек про девушек. Еще будучи наставником Мегги, Стив понял, что стандартные комплименты и принципы общения с девушками здесь не работают. Мегги была, как Маугли, диковатая и «не такая», какой принято быть в обществе, и ему пришлось стать ее Балу. Раз в пару месяцев они вдвоем ходили в бар. Это была странная парочка: Стив пил пиво и рассуждал, как «все не такие и не эдакие» ему попадаются девушки, почему разработчики какой-то компьютерной игры допустили столько косяков и что логично было бы сделать совершенно по-другому, а Мегги участливо кивала, изредка подшучивала над Стивом, выпивая за весь вечер всего один бокал.

Еще в начале общения на просьбу Стива рассказать о себе, Мегги ответила так развернуто и емко, что больше у него не возникало желания разговаривать о прошлой жизни Мегги. «Родилась на Севере. У меня было омерзительное детство, настолько омерзительное, что тебя будет тошнить, как только ты услышишь о нем. У меня нет близких, и я та еще опасная тварь!», – при этом Мегги высоко поднимала правую бровь, делала паузу, смеялась и переводила раз-

говор на другую тему. Мегги никогда никому не говорила про маму. Ей хотелось защитить ее от всего мира, как огромный бриллиант, который могут украсть и существование которого необходимо тщательно скрывать.

После смерти отца мама Мегги осталась в одном из городов, которые семья сменила после случившегося в Кортере. У мамы жили два больших пса и одна мелкая собачонка. Соседи знали ее как добрую прихожанку, которая с удовольствием могла посидеть с детьми, и никогда не видели ее родных. Впрочем, мама Мегги никому и не говорила, что у нее есть дочь, также желая защитить свою девочку.

За окном лил дождь. Мегги вглядывалась вдаль, теребя в руках сигарету. Был выходной, и во всем офисе она была одна. Самое любимое ее время: никого нет, дождь, сигарета, кофе и невероятное облегчение от проделанной работы. Мегги только что завершила алгоритм, она завершила его еще несколько дней назад, но, как очень дотошный человек, десятки раз перепроверяла его. Скоро Рождество, Новый год, каникулы, и она подумывала, не уехать ли ей на несколько дней в какую-нибудь безлюдную глухомань.

Внизу, на улице, какой-то молодой человек не мог совладать со своими тремя лабрадорами, которые резвились и совершенно спутали свои поводки. Мегги улыбнулась. О том, чтобы завести собаку, она подумывала уже года два. Но эта невероятная мания одиночества и уверенности, что от тебя одно зло, не давало ей сделать этот шаг. Лучше быть одной. Всегда, везде, чтобы ни за кого не переживать и никому не делать больно.

Мегги сделала последнюю затяжку, выкинула окурочек в стакан из-под кофе и закрыла глаза.

* * *

– Фу-у-ух, – Стив откинулся на спинку своего кресла, – вот это гора с плеч, да, крошка?

– Да. Вообще странный проект. Ловушка на ловушке. Не давай мне больше ничего переделывать за другими, окей?

– Ты не понимаешь, это степень оценки тебя как специалиста. Только ты можешь разгрести самую большую кучу дерьма, – Стив заметно повеселел. – Сегодня просто обалденный денек! Представляешь, Сьюзан оказалась такой секси! – Стив откинулся на спинку кресла и, как довольный кот, потянулся руками.

– Да что ты, затащил-таки ее к себе?

– Ну! Так у нее такое тело шикарное, ты не представляешь! Уфффф!

– Стив, фу, ну какая гадость, достаточно подробностей!

Стив расхохотался в ответ на реакцию подруги.

– Ха-ха, это точно не для тебя, крошка. Ладно, считай, что ты свободна до каникул, пойду, обрадую Форстена, – Стив встал, взял свой ноутбук и на выходе из двери обернулся. – Я надеюсь, вернусь с премией, кажется, мы заслужили, а?

– Заслужили, заслужили! Задницу береги, а то не с пре мией вернешься, а с чем поинтереснее, – у Мегги тоже было хорошее настроение, и она предвкушала скорый отдых.

* * *

Рождественская вечеринка обещала быть веселой. Кадровый отдел постарался, заказав шикарный кейтеринг, диджея, красивые декорации и много качественного алкоголя. Мистер Форстен, обрадованный завершением всех проектов этого года, решил расщедриться и дать своим сотрудникам погулять на славу. Сейчас редкое дело – оплаченные вечеринки для сотрудников. В погоне за экономией многие и не понимают, насколько они важны для людей. Не то

чтобы генеральный директор очень хотел повысить корпоративный дух и сплотить людей, но, представляя себе нули от полученных контрактов, он понимал, что эти деньги на вечеринку – ничтожны.

Надевая Brioni и расстегивая верхнюю пуговицу, Форстен любовался в зеркало. «Повеселимся», – сказал он сам себе. До встречи с партнерами оставалась пара дней, и можно было позволить себе расслабиться на полную.

Мегги, по настоянию Рейчел, тоже решила приодеться. Это был долгий и мучительный выбор в магазине. Девушка-консультант все пыталась объяснить, что сейчас в моде и как прекрасно было бы подчеркнуть женственность и хрупкость Мегги «вот этим фатиновым платьем лаймового цвета», похожим на зефиринку, но Мегги была непреклонна.

– Это! И больше ничего не приносите мерить, я думаю, это подойдет.

Мегги выбрала классическое строгого силуэта черное платье до колен, на что получила выразительный взгляд от продавщицы, выражающий «фи».

Собираясь, Мегги долго смотрела на себя в зеркало. А ведь можно же быть девочкой, как и все? Поносить милые девчачьи платья ей удалось только в самом раннем детстве. После истории с мистером Роуби Мегги замкнулась в себе. Она старалась выглядеть так, чтобы никто не обратил на нее внимания. Девочку в ней выдавала только немного округлившаяся грудь, которую та также тщательно скрывала под огромной одеждой.

Взъерошив волосы и накрашив ресницы, Мегги подумала, что неплохо бы надеть украшение. Правда, из украшений у нее был только кулон, который подарила ей мама на 18-летие, но и эта маленькая деталь придала Мегги больше женственности и очарования.

– Мегги, да ну? Это ты? – Стив, прищурившись, протянул Мегги бокал шампанского. – Полегче, крошка, тебя здесь никто не узнает! – Стив обошел Мегги вокруг и одобряюще кивнул на оголенные точеные плечи и спину Мегги.

– Брось, ты же знаешь, что я не пью шампанское.

–

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.